

— Но в художественной студии стало так мало студентов, которые поступили в академию искусств. В следующем году точно не будет много желающих учиться здесь.

Успехи каждого года напрямую связаны с набором студентов на следующий год. Если в этом году лишь немногие поступили в академию, многие просто не поверят в эту студию.

— Эх... Учитель Чжао так хорошо к ним относился, а они оказались неблагодарными.

— Ты прав.

Обсуждения в студии не прекращались, и Учитель Чжао не стал их останавливать. Те, кто собирал свои вещи, краснели от стыда, опустив головы и не смея смотреть на окружающих. Они думали только о себе, но почему? Просто зависть.

— Оу Хэн здесь? Оу Хэн, ты где, Оу Хэн?

Оу Хэн, который до этого был погружен в рисование, не обратил внимания на Чжао Юя и остальных. Грубый и резкий голос внезапно заглушил все разговоры.

— Кто вы такие? — Оу Хэн положил кисть и посмотрел на пару, подошедшую к нему. Едва он обернулся, как женщина опустилась на колени.

— Оу Хэн, пожалуйста, пощади нашего Шаньшана. Он еще молод, дай ему шанс. Я буду кланяться тебе, ты добрый человек, умоляю, умоляю... — Женщина начала кланяться, ударяясь головой об пол, и горько плакала.

Оу Хэн не сказал ни слова, спокойно наблюдая за парой.

Отец Лян Шаня тоже опустился на колени вместе с матерью. Многие девушки, видя этих несчастных родителей, начали смягчаться.

— Оу Хэн, может, ты...

— Кто сказал тебе, что я добрый? — Оу Хэн холодно усмехнулся, глядя на родителей Лян Шаня. Те, услышав его слова, мгновенно замолчали, и в воздухе повисла тишина.

— Вы, великий человек, проявите великодушие. Вещи вернулись, мой сын не воровал, отпустите его. Мы готовы взять вину на себя, будем служить вам, как скоты...

— Разве возвращение украденного отменяет кражу? Я дал ему шанс, но он сам не вернул. — Оу Хэн был на грани смеха от логики этой пары.

— У вас столько денег, зачем вам ссориться с нами, бедняками? Что вам стоит простить моего сына? Для вашей семьи это капля в море. Почему вы так упорно преследуете моего сына? Может, вы завидуете ему? Если он стоит у вас на пути, мы уйдем, пожалуйста, отпустите его...

— Она говорила сквозь слезы, изображая из себя маленьких людей, готовых уступить.

— Ха, раз у меня есть деньги, значит, я должен позволять вам воровать? Тогда почему ваша жена или муж не позволяют другим спать с ними? Ведь они у вас есть, верно? Зачем вам ссориться с теми, у кого их нет?

— Ему уже двадцать лет, как он может стоять у меня на пути? Вы действительно считаете своего сына гением?

— Это... это не одно и то же, вы... — Родители Лян Шаня покраснели от злости, не зная, что ответить.

— Разве это не одно и то же? — Оу Хэн саркастически улыбался, глядя на родителей Лян Шаня, у которых слезы и сопли текли по лицу, вызывая отвращение.

Это было моральное давление, теория о том, что слабый всегда прав. Он слаб, значит, ты должен уступить. Он не виноват, виноваты только богатые и сильные.

— У вас совсем нет сострадания? Мы так несчастны, мы на коленях умоляем вас. Если наш сын попадет в тюрьму, как мы, старики, будем жить? Мы умрем с голоду, и никто не узнает, никто не позаботится...

— Я заставлял вас становиться на колени? Я заставлял вашего сына воровать? Я заставлял вас вызывать у меня сострадание? Я заставлял вас быть несчастными? Вы плачете с такой энергией, откуда тут взяться несчастью? — Оу Хэн не испытывал ни капли сострадания.

— Лучше бы вы занялись чем-то полезным. Яблоко от яблони недалеко падает, вот почему ваш сын ворует. — Чжоу Ци тоже был раздражен.

Они пришли, чтобы морально давить. Если бы они действительно хотели просить о милости, они бы выбрали другое время и место. Но они пришли сюда, на публику, чтобы использовать статус слабых и вызвать сочувствие, создать давление на Оу Хэна.

— Пожалуйста, позовите охрану, чтобы они убрали отсюда посторонних. — Оу Хэн не стал ничего добавлять и снова взялся за кисть.

Учитель Чжао сразу же вызвал охрану, и те вывели пару за дверь. Мать Лян Шаня царапалась и сопротивлялась, но охрана не решалась применять силу, боясь, что их обвинят в причинении вреда. Ведь они были молодыми и сильными, а значит, виноваты.

— Я думал, ты совершишь ошибку. — Чжоу Ци смотрел на профиль Оу Хэна. За время их общения он считал Оу Хэна мягким и податливым, как пирожок, который можно ткнуть, и он сам восстановит форму. Его внешность вызывала жалость.

— Я глуп? — Оу Хэн бросил на Чжоу Ци взгляд, полный угрозы, словно говоря: «Скажи, что я глуп, и я выброшу тебя из окна».

— Нет-нет-нет, Эр-эр очень умный.

— Молодец, что понял. — Оу Хэн высокомерно тряхнул головой, немного... глуповато.

— Что делать? Что делать? Он совсем не такой, как те, кто были раньше. Никто не говорит о нем, что же делать? — Мать Лян Шаня, после того как охрана вывела ее, начала скандалить с мужем. У нее был только один сын, и если он сядет в тюрьму, что будет с его будущим?

— Что мы можем сделать? Завтра попробуем снова. — Отец Лян Шаня оттолкнул жену и закурил.

— Получится? — На лице матери все еще были слезы.

— У богатых всегда есть лицо, мы сможем получить хоть что-то. — Они изначально пришли за деньгами. Сын уже не вернется, и они попытаются компенсировать потери другим способом.

— Ладно, пойдем домой. — Мать Лян Шаня вытерла слезы. Слезы приходили легко, они занимались этим делом, и иногда плакали по несколько раз в день. Главное — получить деньги.

Ли Цзюньюй, узнав, что родители Лян Шаня пришли к ним, поручил своим людям сделать кое-что. Те, кто когда-то пострадал от них, выложили их фотографии в интернет, а также рассказали, как они обманывали людей.

Многие, кто стал жертвой их обмана, узнали их, и теперь, куда бы они ни пошли, их сразу же узнавали и держались подальше. Соседи тоже перестали с ними общаться, у дверей постоянно находили дохлых крыс, а ночью кто-то стучал и беспокоил их.

Они вызывали полицию, но безрезультатно. Ведь они не причиняли реального вреда, максимум — мусорили. А если кто-то стучал в дверь, то это просто ошибка, что тут можно сделать?

К тому же полицейские тоже не любили эту пару. Профессиональные мошенники, которые всегда действовали в местах без камер. И каждый раз собирали толпу зевак, и те, кого они обманывали, вынуждены были платить, чтобы избежать проблем. Их было сложно обвинить.

Родители Лян Шаня были слишком заняты своими проблемами, чтобы продолжать донимать Оу Хэна.

После этого инцидента отношения между Оу Хэном и Чжоу Ци стали еще ближе. Они даже несколько раз вместе ходили в галереи, их интересы совпадали, и они находили общий язык. Сюй Вэнь, который был рядом с ними, беспокоился.

Чжоу Ци смотрел на Эр-эра с таким жаром, что Сюй Вэнь несколько раз хотел встать между ними.

Он, конечно, доверял Оу Хэну, но как сказать об этом господину?

Сюй Вэнь нервничал, его лицо исказилось от волнения.

— Господин такой, вы... — Сюй Вэнь рассказал Ли Цзюньюю о происходящем и осторожно посмотрел на его лицо. У Оу Хэна не было никаких других намерений, он боялся, что из-за этого между ними возникнут разногласия.

— Хорошо, я понял, иди обратно. — Ли Цзюньюй отложил книгу и кивнул, отпуская Сюй Вэня.

Вскоре в городе А прошел объединенный экзамен по искусству. Погода стала холоднее, и Оу Хэн уже надел куртку с подкладкой.

У входа в экзаменационный зал было шумно: абитуриенты, родители, а также множество репетиторов и представителей художественных студий, раздающих листовки.

Экзамен длился весь день. После его окончания вся группа из студии отправилась на ужин. Поскольку людей было много, а вкусы у всех разные, они выбрали шведский стол с горячим горшком. Однако ели они мало, потому что перед этим Ли Цзюньюй строго наказал не переедать...

Оу Хэн был расстроен, но жаловаться было некому. Он лишь с тоской смотрел на кипящий красный бульон в горшке. К тому же, без соуса, который обычно готовил Гого, вкус был совсем не тот. Оу Хэн даже начал сомневаться, что это поддельный ресторан.

— Почему не ешь? — Чжоу Ци, который все это время наблюдал за Оу Хэном, заметил, что тот съел немного и остановился.

Он знал, что Оу Хэн любит горячий горшок, так как они об этом говорили.

<http://bllate.org/book/16768/1541315>